

После угощения / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitapcy, Satiriki heкаýalar

написано kitapcy | 24 января, 2025

После угощения / рассказ ПОСЛЕ УГОЩЕНИЯ

Председатель райпотребсоюза Бяшим Эсенов узнал о предстоящем приезде ревизора накануне выходного.

Дело было так.

Рабочий день давно начался, но Эсенов на службу не торопился. Он нехотя встал с постели, потянулся, ополоснул лицо холодной водой, побрился. Словом, привел себя в порядок. Ровно в полдень в отличном расположении духа он переступил порог своего кабинета.

Переступил, сел в кресло, вызвал секретаршу, отдал кое-какие распоряжения и задумался. Завтра воскресенье, чем бы заняться? Не торчать же дома. В прошлый раз он с друзьями ездил в ущелье. Славный получился пикник! Может и завтра...

Эсенов уже протянул руку к трубке, чтобы позвонить кое-кому, как дверь кабинета с треском распахнулась. На пороге предстал Овез, завскладом, широкоплечий, толстый, с узкими, заплывшими жиром глазами. На щеках щетина, – неделю, видно, отращивал, не меньше...

Овез тяжело дышал, словно за ним гналась свора собак. Топтался на месте в своих огромных запыленных сапожищах и в волнении облизывал пересохшие губы.

Увидев своего подчиненного в таком состоянии, Эсенов удивился: – Что случилось, Овез? За тобой кто-нибудь гонится или ты опять с утра пораньше выпил? – он пристально взгляделся в мутноватые глаза кладовщика.

– Да что там выпил! Грамм сто да кружку пива! Давно все улетучилось... – Не закончив говорить, Овез протянул руку к лежащей на краю стола пачке папирос, закурил и присел на краешек дивана.

Эсенов знал, что завскладом не будет паниковать из-за пустяков, и встревожился. Даже пот прошиб его. Спросил громко и раздраженно:

– Я тебя еще раз спрашиваю – чего ты пыхтишь? Что случилось? Или товар не получил?

Овез махнул рукой: мол, не в товаре дело.

– Что же тогда? – наступал Эсенов. – Да говори же, черт тебя дери!

На всякий случай он подбежал к двери и закрыл ее поплотнее.

– Ревизор едет... – простонал Овез и слабеющими пальцами загасил в пепельнице наполовину недокуренную папиросу.

– Ревизор? – Эсенов изменился в лице, провел ладонью по серебристым вискам и опустил в кресло.

Овез же наоборот, подскочил с дивана.

– Ну, ты, Бяшим, думай, ищи выход, а я пойду разгружать товар...

– Да сиди ты! – возмущенно прикрикнул Эсенов. – Без тебя разгрузят! А кто едет? Как фамилия? Не узнал?

– Фамилию знаю...

– Ну?

– Курбанов какой-то.

– Курбанов... Курбанов... А как зовут, не знаешь?

– Не знаю. Да не все ли равно, Бяшим? Может, зря я и разволновался? – Овез явно успокаивался после пережитого страха. – К ревизору всегда доступ имеется, если умело взяться за дело. Я, пожалуй, пойду, а ты нажми на бухгалтера, этого очкастого черта. Не нравится он мне... Я сейчас вернусь...

– Подожди! Давай решим: не подбросить ли нам чего-нибудь бухгалтеру?

– Ни в коем случае! Эта лиса, наверное, уже прослышала о ревизоре и ничего у тебя не возьмет. Да и раскрываться перед ним опасно...

Некоторое время Эсенов раздумывал, грызя ноготь большого пальца, потом удовлетворенно кивнул головой:

– Правильно! Бухгалтер не должен ничего знать. А ты скажи-ка мне...

– Что?

– Что ты сделал с теми шерстяными платками?

– Реализовал, – не моргнув глазом, ответил завскладом.

– Как так?

– Ты же сам сказал, чтобы я их пристроил!

– Овез, ради бога не ври! Разве я не велел тебе временно законсервировать? А ты... – Эсенов не закончил.

– Когда велел? Я что-то не помню, – пожал своими широченными плечами Овез. – Если б слышал, то не то чтоб законсервировать, а подливкой ко второму сделал бы. Ты ведь не первый день знаешь меня. Слава богу, мы с тобой вот уже третий год делим хлеб-соль.

Эсенов раздраженно ответил:

– Если плохо слышишь, прочисть уши. Тогда и соль у тебя будет, и хлеб... Учти: если что случится, ты за эти платки будешь отвечать. Понял?

– Боже мой! Да ты, Бяшим, совсем разволновался! Неужели я тебя подведу? Это ты за бухгалтера беспокойся. Не говори потом, что я не предупреждал тебя... Ну, я пойду отпущу шоферов...

Эсенов крикнул ему вслед:

– Позови бухгалтера и счетовода!

На обед Эсенов не пошел, провел короткое совещание с сотрудниками. Собрав их в своем кабинете, он, как ни в чем не бывало, подняв глаза к потолку, начал говорить о значении культурного обслуживания покупателей, о правильном ведении учета, о борьбе с недостатками. Упомянул о каждом из работников. Несколько раз обратил внимание собравшихся на бухгалтера. Сказал, что не потерпит, «если подобное повторится...»

Старый бухгалтер, честно проработавший всю жизнь, только крикнул от досады. Не выдержал, спросил:

– При чем здесь я?

– Все при том же, – парировал председатель райпотребсоюза. – Ты интересуешься только тем, как выполняется план по продаже водки, а как ведется книжная торговля, ты заботишься? Скажите, товарищи, вы слышали, чтобы бухгалтер хоть раз спросил, как торгуют книгами?

Никто ему не ответил. Эсенов с воодушевлением продолжал:

– Ну что вы молчите, словно рты вам воском залепило? Или в газете нас неправильно критиковали? Ну скажите: неправильно?

Эсенов обвел сидящих орлиным взглядом. Когда он дошел до Овеза, тот решил поддержать начальство:

– Почему неправильно написано? Очень правильно! Честно говоря, в нашем районе и не думают о том, как ведется книжная торговля. В этом прежде всего виноваты наши плановики и бухгалтерия. У них с языка не сходит слово «план», а за счет чего план выполняется, им не интересно. Я почти каждый день спрашиваю бухгалтера: что делать с этими пропыленными книгами? Но хоть говори, хоть не говори – ему наплевать. По-моему, надо составить план книжной торговли и положить его на стол бухгалтеру. Чтобы не забывал...

Эсенов еще хотел сказать речь, но, сообразив, что так можно и до прихода ревизора прозаседать, ограничился только одной фразой: «Значит, договорились. Так и сделаем» – и распустил сотрудников.

Никто не понял, зачем их собирали, о чем договорились.

Когда все разошлись, Овез подошел к председательскому столу. Уставившись озабоченным взглядом в глаза своему кладовщику, Эсенов трагически спросил:

– Ну, что будем делать, Овез?

– Что-нибудь придумаем! – бодро ответил кладовщик.

– Тебе бы все шутки шутить, а мне сейчас не до шуток. Ревизор сотрет нас с тобою в порошок.

– Перестань, Бяшим! Что нам, впервые встречаться с ревизором?

– О!.. Не болтай глупостей!

– Но ведь ревизор такой же человек, как мы! И у него есть рот... Приедет – встретим по-человечески. Накормим шашлыком, угостим водочкой. Недаром же наши предки говорили, что лучше противника бить угощением, чем камнем. Перед пельменями да цыплятами с безмеинским вином никто не устоит.

Эсенов и сам так думал. Его густые нахмуренные брови немного разгладились. Да, надо как следует принять ревизора. Но где это лучше сделать? Теперь ревизоры пошли шустрые, на мякине не проведешь. Нужен повод для угощения. А то подумает: зачем, мол, угощают, уж не хотят ли замазать рот? Ведь если у человека нет на уме задней мысли, чего ради он будет угощать ревизора? И как сказать ни с того ни с сего человеку, с которым впервые видишься: пойдете, мол, кутнем?

Овез прочел сомнения на лице своего начальника, опять

успокоил:

– Э, друг, пусть грустит кто-нибудь другой! Пока я жив, не дам тебя в обиду. Будь ревизор хоть раскаленной головешкой, я найду способ ухватить его. Угощение беру на себя. Не трудно найти подходящий предлог...

– Например?

– Например, у моего сына будет день рождения...

– Неплохо придумано. Ну, допустим, угостили, а дальше что?

– Дальше – ничего. Я сделаю так, что он уедет обратно, даже не раскрыв свою папку. Напоим и посадим в машину на Ашхабад – пусть дома опохмеляется, приходит в себя...

Вот какой план был составлен. Заговорщики повеселели. Овез ушел.

Эсенов хоть и успокоился немного, все же домой не торопился. Сидел за столом, думал и курил папиросу за папиросой. Ему время от времени звонили друзья, спрашивали: «Ну как? Завтра едем в ущелье?» Он отвечал: «Нет, плохо себя чувствую, в другой раз».

Обычно, возвращаясь с работы, Эсенов, проходя мимо столовой, непременно выпивал «свои» сто граммов. На этот раз он прошествовал прямо домой.

Жена накрывала на стол. Она сразу заметила, что у мужа плохое настроение, спросила:

– Что случилось? Почему мрачный?

Эсенов раздраженно ответил:

– Поменьше болтай да побольше делай! Давай обед!

Он мог бы и не говорить этого. Тарелка горячего супа тут же появилась перед ним. Когда жена принесла молодые огурчики и помидоры, он коротко приказал: «Водки!» Выпил почти целую бутылку, но ничуть не захмелел с горя.

Часа два Эсенов лежал на диване, отвернувшись к стене, и о чем-то размышлял. Жена несколько раз подходила к нему, но окликнуть не решалась.

Эсенов встал, оделся и, ни слова не сказав, ушел из дому. Жена по привычке ни о чем не спросила его, только молча сокрушенно посмотрела вслед.

А Эсенов шел к своему другу и сотрапезнику Овезу. После

дневной жары воздух постепенно остывал, солнце спряталось за гору и больше не изнуряло все живое своим беспощадным зноем; легкий ветерок бережно причесывал листву деревьев, еще не успевшую покрыться толстым слоем пыли.

Навстречу Эсенову шли знакомые и незнакомые люди подышать вечерней прохладой. Он рассеянно отвечал на приветствия. Думы были все одни и те же.

Подойдя к дому кладовщика, дернул кольцо калитки, В майке и трусах Овез ходил по двору. После жирного плова ему требовалась проминка. Огромный, неуклюжий, он покачивался, как лодка на волнах. Эсенова приветствовал радушно:

– Заходи, Бяшим, заходи... Новости есть?

– Пока все по-старому.

– Очень хорошо! – Овез повел друга в виноградную беседку, где был накрыт стол. – Садись, угощайся.

– Сыт я. Пришел потому, что дома одному тошно...

– И хорошо сделал, что пришел! У меня самого настроение ни к черту. – Он сгреб в кучу ложки и вилки, осведомился: – Чай будем пить? А может, вино? У меня, впрочем, и водка есть, и пиво ледяное. Выбирай.

– Только не водку!

– Как хочешь. Но не стесняйся. Холодна и прозрачна, как слеза.

– Принеси лучше пива. Я уже дома немного выпил.

Весь вечер, попивая пиво, друзья проговорили в виноградной беседке, да так тихо, что даже жена Овеза не слышала ни словечка. И только когда запели полночные петухи, Эсенов поднялся. За калиткой заплетающимся языком повторил он наставление:

– Не заб-б-буди, что з-завтра базарный день... И компанию подбери, какую надо... Слышишь?

– Слышу, слышу, – ответил Овез, зажигая папиросу начальника, потому что сам тот никак не мог этого сделать.

– Раз слышишь, мотай на ус! Помнишь, как ты угощал соленой рыбой?... Позор!

– Будь спокоен на этот счет! Наш ревизор отведаст плова из мяса пятимесячного козленка – и косточки в кишмише не найдет! Какая там рыба! Сохрани аллах!

Эсенов пошел по дороге вихляющей походкой. Овез, стол у калитки, смотрел ему вслед до тех пор, пока гость не скрылся из виду.

В воскресенье Эсенов не скучал, хотя и не поехал с друзьями в ущелье. Ему было не до скуки. То в жар, то в холод бросало при мысли, что вот приедет ревизор и не польстится на угощение. Он лежал на диване, отвернувшись к стене, и на все вопросы жены о самочувствии отвечал то молчанием, то бранью.

Впервые за долгое время он пришел на работу вовремя. Первым, кого он встретил, был бухгалтер. Как можно вежливее Эсенов спросил:

– Новости есть?

– Все по-старому, товарищ Эсенов!

Бухгалтер смотрел сквозь надтреснутые стеклышки очков в отекавшее лицо начальника. Эсенов без слов понимал бухгалтера: о приезде ревизора известно уже всем, и теперь старик в душе злорадствует. Эсенов прошел мимо него гордой походкой.

Большую часть рабочего дня он провел в тревожных раздумьях. В обед, чтобы немного успокоить душу, позвонил в райисполком приятелю. Может, там что известно о ревизоре? Нет, пока никаких известий. Приятель насмешливо сказал:

– А ты что переживаешь? Пусть ревизора боятся те, у кого недостатки да растраты...

«И верно! Пусть приезжает! Чего бояться?» – успокаивал себя Эсенов, но в глубине души знал, что именно ему надо бояться, а не кому-то.

Овез снова с грохотом ворвался в кабинет, закричал еще с порога:

– Бяшим, братец! Приехал!

– Где? Когда?

– Да вон он! Взгляни в окно!

Эсенов подбежал к окну. Из машины выходил высокий человек с папкой под мышкой. попрощавшись с шофером, он направился к крыльцу и тут-то и столкнулся с Эсеновым и кладовщиком, которые буквально вылетели ему навстречу.

«Молод еще... Впрочем, это к лучшему. Упаси боже иметь дело со стариком! Молодого легче обвести вокруг пальца!» – молнией

пронеслось в голове у председателя райпотребсоюза.

Он хотел было официально представиться ревизору, но тут лицо его претерпело ряд изменений – сначала оно вытянулось, на нем появился большой знак вопроса, потом покраснело, а затем приобрело самое сладкое выражение, на которое был способен председатель райпотребсоюза.

– Шамамед! Друг! Глазам своим не верю! Неужели ты? Мне сказали, что приедет Курбанов, но не думал, что это ты... Не думал! – Эсенов энергично тряс руку старого товарища, с которым когда-то учился в техникуме. – Добро пожаловать, друг мой! Как живешь, как здоровье? Да как ты к нам попал?!

– По делам, дорогой Бяшим. Приходится ездить туда, куда посылают! – добродушно улыбнулся в ответ Курбанов. – Сам-то как живешь? Жена, дети живы, здоровы?

– Все хорошо! Очень рад, что ты приехал! И дело сделаешь, и отдохнешь, и погостишь у меня! Нет, нет! Не отпуска! Прямо ко мне! И не говори...

– Подожди-ка, Бяшим! – Курбанов поднял вспотевшее лицо к солнцу. – К тебе еще успеем. Я, пожалуй, зайду в бухгалтерию, ведь еще рабочий день не кончился...

Эсенов был настойчив:

– Нет, нет! Ты устал! Рабочий день закончится через полчаса. И бухгалтерия твоя никуда не убежит! Мне от тебя скрывать нечего, проверяй, сколько душе угодно, но сначала давай пообедаем, попьем чайку. Мы ведь столько лет с тобой не виделись! Ну, идем же! И дом мой недалеко, всего в двух шагах! Курбанов замялся: трудно отказать старому товарищу. Вон он как обрадовался! Как просит! Да и стакан чаю с дороги не помешает. Путь был неблизкий, в горле пересохло.

– Ну ладно! Будь по-твоему!

Как только Эсенов и ревизор скрылись за углом, Овез навесил большущий замок на двери склада и поспешил домой.

Сначала товарищи, вспоминая техникум, общих знакомых, попивали зеленый чай, но после чая были поданы пельмени. А разве пельмени пойдут без водки? Выпили по сто пятьдесят граммов, поели пельменей. Снова был подан зеленый чай.

Эсенов краешком глаза нет-нет да и взглядывал на часы. Что-то

уж очень медленно тянется время. Когда чаепитие закончилось, он сказал гостю:

– Помнишь, Шамамед, когда мы учились на втором курсе, ты гостил у меня?

– Помню!

– Помнишь, как плескались в источнике?

– Еще бы! Разве можно забыть? Там такая галька... Эх, молодость!

– А хочешь, вспомним молодость?

– Заманчиво... – сказал, улыбаясь, ревизор.

Через несколько минут новенький «Москвич» выехал со двора председателя райпотребсоюза.

Пока старые товарищи купались в источнике, вспоминая юность, сумерки сгустились. Отдуваясь и фыркая, плескались они в холодной воде. Домой вернулись бодрыми и свежими.

Жена у порога встретила Эсенова сообщением:

– Овез оборвал телефон. Тебе раз десять звонил.

– Овез?... – Эсенов в растерянности смотрел на жену, словно пытаюсь припомнить, кто же это такой. – Ах, да! Закрутишься на работе и обо всем забудешь! Ведь он еще неделю назад приглашал меня на день рождения сына. На сегодня... Заранее беспокоился, а я-то...

– Овез оборвал телефон. Тебе раз десять звонил.

– Овез?... – Эсенов в растерянности смотрел на жену, словно пытаюсь припомнить, кто же это такой. – Ах, да! Закрутишься на работе и обо всем забудешь! Ведь он еще неделю назад приглашал меня на день рождения сына. На сегодня... Заранее беспокоился, а я-то...

Жена удивилась:

– Но, по-моему, у Овеза сын зимой родился...

– Зимой или летом – какая разница? Было бы желание справить той, а повод найдется. Ну, собирайся. Берн и сына. Не пойти нельзя – Овез обидится. Собирайся, собирайся! Если зовет в гости, не отказывайся, а куда не звали, не показывайся!

– Да нет... Не могу я... Мы с Тойли завтра сходим поздравим именинника, а ты забирай гостя, и идите вдвоем.

Эсенов в душе обрадовался такому решению жены. Сказал деланно равнодушно:

– Ну, если не хочешь идти – твоя воля, но потом не выговаривай мне, что, мол, не беру тебя с собой. – Он повернулся к Курбанову: – Ну, уж если дело так оборачивается, не сходить ли нам, действительно, вместе? Вечер длинный, надо же чем-то заняться...

Курбанову идти не хотелось, но хозяин не отставал, упрашивал упорно и горячо:

– Пойдем! Овез неплохой человек! Ну, посуди сам: как я могу оставить тебя, моего гостя, одного? А не идти невозможно. Обещал. Человека обижу...

Недаром говорят: гость – раб хозяина. Скрипя сердце Курбанов согласился пойти на день рождения сына неизвестного ему Овеза. В беседке, увитой виноградником, стоял на расстеленном ярком паласе уже знакомый Эсенову круглый стол. Он был уставлен бутылками с разноцветными винами – янтарными, красными, зеленоватыми.

Курбанов огляделся. Хозяин, склонив голову набок, куском фанеры раздувал угли для шашлыка, жена его сидела на пороге дома в глубине двора. Рот ее был закрыт яшма-ком, она смешивала кислое молоко с водой, делала сузмечал. «Э, да мы раньше других пришли, гостей что-то не видно!» – подумал Курбанов.

Овез, заметив пришедших, легко поднялся, отбросил фанеру и устремился к гостям.

– Добро пожаловать, дорогие гости! Проходите прямо к столу! Я только руки помою...

Он не договорил. Во двор вошел Караджа, брат его жены. «Вот уж некстати! Нелегкая его принесла!» – неприязненно подумал Овез. Сколько раз у него с шурином бывали стычки. Шурин простак, тридцать лет проработал заведующим магазином, а до сих пор гол как сокол. Строит из себя святого и ему, Овезу, пытается указывать. А как-то раз прямо сказал:

– Жаль, что мы связаны родством, а то бы в жизни я не переступил твоего порога, Овез!

Сейчас Караджа стоял у калитки, раздумывая, что ему делать. «Опять кого-то заманил в свои сети паук, – нелестно думал он о своем родственнике. – Лучше уйти, чтобы глаза не видели всего

этого! Ишь, стол какой накрыл!»

Овез смотрел на незваного гостя и тоже не знал, что делать: приглашать или не приглашать? Взглянул вопросительно на Эсенова. Тот кивнул: мол, пусть зайдет. Но Овез все еще медлил. Если бы в это время во двор не выбежал семилетний сын Овеза Керим и с криком: «Дядя пришел!» – не бросился бы к Карадже, так, наверное, и ушел бы родственник, не отведав угощения, восвояси. Но мальчик стал тянуть дядю к столу. Курбанов с удивлением наблюдал эту сцену.

Караджа погладил ребенка по голове.

– Здравствуй, племянник! Эге, да я вижу, ты стал совсем взрослым! Угадай, какой я тебе гостинец принес!

С нетерпением ожидая, когда дядя развяжет свой хурджун, мальчик принялся угадывать:

– Виноград?

– Нет, малыш, не виноград! Наш виноград еще не поспел. Я дыньки тебе принес, сорокадневки!

– Сорокадневки? – Мальчик так и повис на шее дяди. – Ох как здорово!

Караджа вложил в руки племянника по маленькой ароматной дыньке. Керим помчался к матери:

– Мама, смотри какие, желтые-прежелтые! А как пахнут! Ты только понюхай!

Овез наконец сказал шурину:

– Проходи, проходи! У тебя такой вид, словно ты с неба свалился!

Караджа нахмурил густые брови.

– Но ты, кажется, не торопишься приглашать меня к столу?

– Ну что за церемонии! Ты же свой человек. Проходи, садись!

Однако Караджа не унимался:

– Не юли, Овез, я тебя насквозь вижу!

Не вмешайся Эсенов, не вставь слово, между родственниками вспыхнула бы ссора. Эсенов взял Караджу за руку:

– Говорят, хороший человек приходит прямо к обеду! Проходите, Караджа-ага, проходите! Как поживаете?

– Слава богу, дышим пока! – вежливо ответил Караджа и положил свой хурджун под дерево.

Жена Овеза постелила чуть в сторонке от стола кошму. Караджа опустился на эту кошму, к столу не сел.

– Я вина не употребляю, – объяснил он Курбанову, – вы без меня начинайте, я чайку попью и пойду.

Тут калитка открылась и во двор вошли еще двое – соседи Овеза. Один высокий, с большим животом, другой напротив, маленький и худощавый. Кладовщик кинулся к ним и проводил к столу.

Налили рюмки. Овез обратился к шуринам:

– Может, перед чаем выпьешь сто грамм?

Караджа не деликатничал с хозяином, не подбирал выражений:

– Ну чего ты пристаешь? Когда это ты видел, чтобы я пил водку? Тридцать лет я ею торгую, а какая она на вкус, понятия не имею. Пей сам, если она тебе нравится. Выпей и мою долю!

Курбанову пришлось по душе простота Караджи, он тихонько засмеялся.

– Ну, тогда не будем Карадже-ага мешать пить чай, – сказал Эсенов и разлил в другие рюмки, поменьше, коньяк. – Если, Овез, ты больше никого не ждешь, предлагаю начать!

– Начнем! Начнем! – оживился Овез.

Эсенов продолжал стоять, держа рюмку.

– Среди нас самый старший Караджа-ага. Я предлагаю выпить первую рюмку за его здоровье!

– Я не против твоего тоста, Бяшим, – сказал Курбанов, – но ведь сегодня мы собрались по другому поводу!

Тут только Эсенов вспомнил, в честь чего они собрались на той. Краска ударила ему в лицо.

– Ах ты боже мой! Память и сейчас меня подвела! Ну, хорошо, я посторонний, а у тебя-то, Овез, отчего память отшибло? Зови именинника!

– Керим-джан! Иди сюда скорее, а то шашлык совсем остыл! – крикнул Овез сыну.

Керим отложил дыньку в сторону, которую разрезал на доли, и подбежал к столу.

– Зачем ты позвал меня, папа? Хочешь чокнуться?

– Давай-ка садись рядом со мной! И чокнешься, и выпьешь! – Овез похлопал сына по плечу.

Мальчик сел, запротестовал:

– Нет, папа, я пить не буду. В прошлый раз выпил – меня тошнило. Ты мне лучше лимонаду налей.

Мальчик с интересом рассматривал своими черными глазами-бусинками красиво сервированный стол.

– Э, да что ты говоришь! Разве лимонад выпивка! Отхлебни глоточек! Джигит должен быть храбрым! – Овез пододвинул сыну рюмку с портвейном.

– Нет, папа, не буду... И мама говорит, чтобы не пил. – Керим качнул худенькими плечами.

– Твоя мать неправильно говорит! Сегодня мы справляем твой день рождения. Выпить нужно. Видишь дяди пришли поздравить тебя!

Мальчик с улыбкой взглянул на гостей:

– Ну... Тогда немножко выпью... Давайте чокнемся!

Выпили. Выпили за здоровье и отца Керима. Выпили за здоровье матери именинника. Мальчик, сделав глоток, поставил рюмку на стол и спросил отца:

– Папа, а ведь мы уже справляли мой день рождения. Помнишь, когда шел снег?

– Помню, помню... Ну, иди к маме! Ешь свою сорока-дневку.

Курбанов удивился:

– Но позвольте... Разве день рождения отмечают дважды в году? Я что-то ничего не понимаю...

Один из соседей Овеза не дал ему договорить, упрекнул хозяина:

– Почему ты нас не предупредил, Овез? Мы пришли без подарков. Неудобно...

Овез, уже подвыпивший, положил в рот кусок жирного шашлыка, облизал сальные пальцы и причмокнул губами.

– Э, о чем говорить! – И обернулся к Курбанову: – У меня, дорогой гость, Керим – единственный наследник. Единственный. Нет у меня другой радости. Вот мы и справляем дважды его день рождения. Сначала – когда созревают сорокадневки, а во второй раз – когда выпадает первый снег.

Эсенов обрадовался находчивости друга, подтвердил:

– А раньше Овез, помнится, трижды в году справлял рождение сына! Такой уж характер.

Караджа лежал на кошке, облокотясь на подушку, пил чай из

пиалы и слушал разговор за столом. Неожиданно он отставил пиалу, поднялся с пола и со вздохом проговорил:

– Охо-хо! Правду говорят, там, где дети, солгать не удастся! –

Обратился к хозяину: – Ну, Овез, я пойду! Спасибо за угощение!

– А обед? Разве ты не будешь обедать?

– Нет, мне не хочется есть. – Караджа вскинул на плечи хурджун, попрощался: – Счастливо оставаться, юноши! До свиданья и ты, племянник! Приходи с мамой есть сорокадневки!

«Чтоб ты провалился со своей прямотой!» – думал кладовщик, провожая шурина до калитки. Когда Караджа ушел, Эсенов и Овез вздохнули с облегчением: мало ли что еще мог наговорить этот блаженный...

Эсенов схватил бутылку.

– Ей-богу, коньяк в рот не лезет, когда рядом сидит непьющий человек. Давайте-ка опрокинем по одной!

Выпив еще и еще, Овез совсем забыл, что, как хозяин дома, обязан заботиться о каждом из гостей, и все свое внимание сосредоточил на ревизоре. Он то и дело обращался к нему, теперь уже на «ты»:

– Пей! Пей!

Не отставал и Эсенов:

– Пей, дружок! Пей! Когда еще к нам попадешь!

Той затянулся. Одно за другим сменялись блюда. Когда подали дымящийся плов с кишмишом, Эсенов провозгласил:

– В народе говорят: «Гость почетнее отца!» Выпьем за нашего дорогого гостя.

Выпили за Курбанова.

Эсенова стало клонить ко сну. Он задремал, облокотясь на стол. Овез был в приподнятом настроении. Увидев, что друг начал слабеть, он наполнил бокалы ледяным шампанским – оно освежает.

Пили еще и еще. Курбанов ставил нетронутую рюмку на стол, но хозяева тоя этого не замечали. Однако Овез крепко хватал его за руку, когда гость пытался выйти из-за стола.

Наконец один из соседей запротестовал:

– Больше и смотреть не могу на шампанское!

– Пейте! У меня его много! – пьяно похвалялся Овез.

– Знаем, что много, да спать пора!

Эсенов проговорил, еле ворочая языком:

– Довольно, Овез! Спать хочется! Проводи нас!

– Может останетесь? Переночуете у меня? Постель уже готова, – засуетился Овез.

Курбанов поднялся:

– Нет, перед сном лучше всего пройтись. Да мы и поговорить как следует не успели.

Когда все шли к калитке, Эсенов прошептал на ухо кладовщику:

– Свой человек. Выбери чего-нибудь для подарка...

Овез согласно кивал головой...

Проводив гостей, он слил вино из недопитых рюмок в большой бокал и залпом опрокинул его, потом, тяжело пыхтя, растянулся на топчане у беседки.

Курбанов привык вставать в определенное время, когда бы ни лег, и теперь проснулся раньше хозяина. Во дворе умылся холодной водой, несколько раз прошелся по участку. Из дома, скривившись и держась за голову, вышел Эсенов. Вид у него был поистине плачевный. В висках стучало, тошнота подступала к горлу.

– Что, голова болит? – улыбнулся Курбанов.

– Э, братец! Лучше не спрашивай! Поднабрались мы вчера! Надо срочно опохмелиться, а то и работать не сможем.

Эсенов подставил голову под кран.

Сели за стол. Хозяйка поставила перед ними чай и еду. Эсенов отодвинул чай в сторону:

– Принеси-ка немного водки!

– Кто же пьет утром водку? В тебя что, бес вселился?

– Не твое дело! Принеси, раз говорю!

Женщина поставила бутылку водки и две рюмки. Эсенов наполнил одну, потянулся к другой. Курбанов прикрыл ее ладонью.

– Мне не нужно! Я чай буду пить!

– Да опохмелись же чуть-чуть! Работать не сможешь!

– Смогу. А пить мне, сам понимаешь, некогда. Надо проверить факты, описанные в газете, на это немало уйдет времени. Нужно поговорить с людьми. Ты попроси, пожалуйста, зайти ко мне Караджу, он, думается, человек толковый, принципиальный. И потом мне предстоит проверить еще кое-какие факты, касающиеся

склада.

Эсенов не верил своим ушам. Значит, встреча, выпивка, расходы – все напрасно? Он еле слышно пролепетал:

– Значит... Значит... и меня, старого друга, будешь ревизовать?

– Буду, – спокойно и твердо ответил Курбанов.

Курбандурды КУРБАНСАХАТОВ.

Перевод Н.Васильевой. Satiriki hekaýalar